

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Имя кандидата исторических наук Елизаветы Порфирьевны Орловой известно в районе. В 1926 году она проводила здесь первую перепись населения, приезжала на Камчатку и в 50—60-е годы.

В 1976 году в период подготовки к 50-летию района в Ленинграде в гостях у Е. П. Орловой побывали председатель исполкома Анавайского сельсовета П. И. Адуканов и редактор районной газеты М. А. Собинов. Они привезли и опубликовали материалы по истории района. Тогда Е. П. Орлова передала в дар быстринцам несколько своих работ, фотографии 1926 и 1961 годов.

Сегодня газета публикует изложение одной из глав рукописи книги Е. П. Орловой «Изменение быта и культуры народов севера Камчатки в советский период».

В ПЕРИОД Всесоюзной переписи населения северных окраин страны в 1926—1927 гг. эвенов насчитывалось 470 человек.

Тогда их называли ламутами. Название происходит от слова «ламу», обозначающего море. Эвены—современное название, введенное при создании письменности в 1932 году. Самоназвание—ороч (ед. ч.—ороч); происходит от корня оран—олень, оленина.

Один из первых исследователей Камчатки К. Дитмар о появлении на ее территории ламутов писал: «2 марта 1852 года в первый раз сюда (Петропавловск) пришли ламуты. Четверо мужчин этого племени приехали прямо к В. С. Завойко (губернатор), чтобы спросить у него, где всего выгоднее продать свою охотничью добычу. Ламуты—тунгусское племя, кочующее по западному берегу Охотского моря, приближенно между Аяном и Икигинском. Побуждаемые, вероятно, теснотой родного места, многие из них пробрались через Пенжинский край, заселенный коряками, и заня-

ли обширные безлюдные части Камчатки, главным же образом Срединный хребет и западный берег. Здесь пришельцы нашли огромные пастбища для своих оленей, очень рыбные реки и богатую охоту. За первыми последовали многие другие их соплеменники, так, что всего (по их собственному показанию) на Камчатке было теперь 35 мужчин и 37 женщин.

Сначала они избегали встреч с чужими людьми из опасения, что они будут прогнаны как самовольные пришельцы. Случайно встречаясь с камчадалами—охотниками, они убедились, что ни камчадалы, ни власти их не преследуют. Тогда они стали смелее, начали посещать некоторые камчадалские остроги и по вызову местного начальства стали являться к уплате податей (ясака).

О РОЧЕЛ формально считались христианами, так как были крещены вскоре после приведения их в русское подданство. Они приобрели русские имена, отчества и фамилии. Но в их представлениях прочно держалась первобытная вера в оду-

шевленность природы. Каждая гора, зверь, птица, дерево были наделены теми же свойствами, что и человек. Медведь рассматривался как прашур, и отношение к нему было очень почтительное.

Наряду с христианским обрядом погребения уживался старый обычай выносить покойника через заднюю стенку юрты, класть в могилу все необходимое человеку для жизни.

На могиле закалывали от одного до пяти оленей. Мясо съедали в тот же день, а кости клали в могилу. Хоронили в гробах, выдолбленных из ствола дерева. В головах над могилой ставили крест, а в ногах—рога убитых оленей. Сразу после погребения перекочевывали в другое место.

Приобщение к огню проводилось при рождении ребенка, которого в одежде из оленьего меха клали в люльку, подвешивали над очагом сбоку и держали минуты две. Невесту при переходе в дом жениха обводили три раза вокруг очага в юрте. Гостей перед входом в юрту просили перешагнуть через горящую голешку.

В ДВАДЦАТЫХ годах XIX века орочел занимали центральную часть полуострова. Северная граница их расселения проходила примерно по р. Ковран и верховьям р. Тигиля. Некоторые хозяйства орочел кочевали к северу от Тигиля вплоть до Ледовитого океана. Южной границей их кочевий была р. Облуковина. На востоке они не

доходили километров 30 р. Камчатки, пересекали ее левые притоки, главным образом Быструю-Козыревку. Западная граница проходила возле селений камчадалов-ителменов и русских: Облуковина, Ича, Сопочное, Моршечное, Белоголовая, Хариузово и Ковран. Иногда они придвигались к Охотскому морю, но на короткое время, а затем снова угоняли оленей в хребты, где снег лежит рыхлее, есть выдувы.

Срединным Камчатским хребтом орочел были разделены на восточную и западную группы. Западные в свою очередь р. Моршечной делились на северо-западных, объединенных в Кекунайский родовой совет, и юго-западных, образующих Лаучанский родовой совет. Восточные орочел объединялись Анавайским родовым советом. Центральное управление орочел—тузрик—находилось на р. Быстрой-Козыревке, при впадении в нее р. Уксичан, где впоследствии вырос районный центр Эссо. При объединении в родовые советы руководствовались исключительно соображениями географического (территориального) порядка, а отнюдь не родовыми.

Всю территорию их расселения в 1926 году можно было разделить на 8 географических районов, в которых они жили небольшими группами от трех до пяти хозяйств, численностью от 25 до 101 человека на группу и от 6 до 28 человек на одно хозяйство.

Продолжение в следующем номере.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

2.

О РОЧЕЛ делились на две строго экзогамные (не допускающие в пределах одной группы браков) родовые группы — Уяганскую и Долганскую. Кроме них, были единичные представители Делянско-го рода (8 чел.) и Кулумского (3 чел.)

Орочел жили совершенно обособленной национальной группой, не смешиваясь с соседями, даже близкими им по кочевому оленеводческому быту коряками. Были два случая, когда ороч женился на корячке и коряк вошел в дом орочел. В силу такой национальной замкнутости произошло тесное кровное родство (у орочел не было родства дальше двоюродных братьев и сестер, теток и дядей).

Все взрослые мужчины хорошо говорили по-корякски, а женщины только «слушали» (понимали). Коряки-мужчины понимали речь орочел, но плохо владели их языком. Поэтому их встрече разговор велся по-корякски.

Почти все мужчины орочел говорили по-русски, а из 231 женщины всего 5—6 говорили по-русски и то односложными фразами.

Из 239 орочел-мужчин в 1926 году 30 было гра-

мотных, среди женщин грамотных не было. Начальное образование получали сначала в Тигильской, затем в Хариузовской школах-трехлетках. Дети орочел очень способны к учебе, любознательны, наблюдательны, стремились учиться, прекрасно рисовали животных.

С 1916 года орочел всем обществом решили «держаться» у себя человека, который учил бы их грамоте (по-русски). Когда в юрте стало тесно, то из американской синей дрели женщины сшили школу-палатку. Прорезав ряд круглых отверстий диаметром по 15 см, вшили в них стекла. Одновременно она служила и часовней. В таком виде школа функционировала до 1926 года. «Учителя» в ней часто менялись; в интервалах между ними преподавал Трифон Солодилов, окончивший Тигильскую трехлетку. Но даже в таком виде школа приносила несомненную пользу.

В 1925 году были отпущены средства на постройку специального здания школы. Руководил строительством энергичный человек, бывший студент Ленинградского географического института, этнограф К. И. Вауэрман. Через год школа была выстроена при самом деятельном участии самих орочел. В

1926|27 учебном году в ней набралось 18 учеников, в возрасте от 9 до 21 года. При поступлении в школу орочел не стеснялся возраста. Зимой 1926|27 года я жила в школе-новостройке в районе Быстрой-Укисчан (учитель задержался с приездом); ко мне приходили люди в возрасте 50—60 лет и настойчиво просили: «Учи читать и писать». И я занималась с ними. На этом основании они меня считают своей первой учительницей. Охотно брали книги на дом и читали вслух в юртах.

Ученики, приехавшие из разных пунктов, жили в юрте председателя тузрика Конона Петровича Банаканова, увеличив ее население до 36 человек. Тогда возникла мысль о необходимости постройки интерната. Снабжать учеников мясом и юколой взялось все общество.

В 1926 году медицинской и ветеринарной помощи орочел вовсе не оказывалось. В следующем году была утверждена должность разъездного врача по народностям, кочующим севернее и южнее Тигиля. Орочел охотно прибегали к лекарствам, если замечали пользу от их применения. Осенью 1927 года из Петропавловска впервые к орочел был направлен ветеринарный врач. Как в

вопросах просвещения, так и медицинского и ветеринарного обслуживания орочел шли впереди всех народов севера Камчатки, настойчиво добиваясь, чтобы перед ними были открыты двери к знанию и культуре.

Мужчина орочел нес на своих плечах три основных занятия, дающие средства к существованию: оленеводство, охоту и рыболовство, которое с каждым годом приобретало все большее значение.

Занятия женщин обеспечивали возможность жить и трудиться в суровых климатических условиях. Женщины были и скорняками, и портными, и сапожниками, и поварами, и домохозяйками, и воспитательницами детей.

К женщинам орочел относились внимательно и заботливо, уважая их как матерей и жен и ценя как экономически необходимую единицу. Детей никогда не наказывали, воспитывали в труде, относясь к ним серьезно, с уважением к достоинству будущих работников.

Уважение к старшим стояло на самом высоком уровне — оно было непремленным требованием общественной жизни. Труд был равномерно распределен между всеми членами общества орочел.

(Продолжение следует)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

3.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ состояние ороchel в 1926|27 году предстаet в таком виде. У 30 хозяйств переписью было учтено 19274 оленя, в среднем по 642 головы на хозяйство. Важенки составляли 43,7, ездовые — 7,6 процента.

Летом мелкие оленеводческие хозяйства объединялись, образуя табуны до 1500 голов. Выпасали их на западнoбережной тундре. Зимой перекочевывали в горы Срединного хребта, причем кочевали не только в пределах нынешнего района, а проникали далеко на юг, за р. Большую.

Как и коряки, ороchel не применяли дымокура для охраны оленьих стад от гнуса, не доили важенки. В год переписи приплод составил 40,8, а убыль 18,8 процента. Стало быть чистый прирост равнялся 22 процентам. Это и было вознаграждением за год упорного и беспокойного труда.

На 30 ороchelских хозяйств приходилось 134 лошади, т. е. по 4,5 головы на хозяйство. Лошади круглый год находились на подножном корму. Во время летних перекочевов, в отличие от коряков, ороchel передвигались преимущественно верхом, а вещи перевозили вьюком. Лошадь использовалась и для осенней охоты на медведя и соболя.

Третьим транспортным животным являлась собака. Зимой для переездов

применялись дугокопильные нарты чукоцско-коряцкого типа. Переписью учтено 332 собаки. Ездовые составляли 60,5, охотничьи — зверовые — 25,9 и щенки — 13,6 процента. Собака незаменима при охоте на пушного зверя. Можно сказать, исключительно на доходы от пушнины ороchel покупали такие необходимые в их обиходе товары, как порох, свинец, чай, табак, муку, сахар, керосин, ткани. Основным промысловым зверем была красная лисица, а также соболя. Но на него с 1925 года был объявлен запуск, и поэтому он не попал в учет. За год было убито 123 горных барана и 9 медведей.

В это время в экономической жизни ороchel заметно возрастал удельный вес рыболовства. Рыбу ловили с весны до поздней осени, а в незамерзающих речках и ключах даже зимой (гольца и кижуча). Их употребляли в пищу в свежем и мороженом (строганина) виде. Из орудий лова применяли запоры «катэп» и «ниппо» (их учтено на разных реках 40), «маррики» — снимающиеся крючки на ремнем поводке.

Больше всего ловили голца (47,6 процента), который в основном шел на корм собакам. Из всей добытой рыбы 80,4 процента было повешено на юколу. Ороchelская юкола считалась самой лучшей на Камчатке, так как в хребтах летом стоит солнечная жаркая погода, и рыба быстро просыхает.

До 80,2 процента заготовленной юколы шло в пищу людям и около 20 процентов — собакам. Соотношение диаметрально противоположное наблюдалось у оседлого населения Камчатки.

Рыбный промысел считался мужским делом. Но иногда женщины помогали пласть и вешать рыбу для юколы.

Ороchel славилась на Камчатке как отличные кузнецы. Ножи их выделялись особенно цениться за остроту и прочность. Не только камчадалы, коряки, но и русские стремились приобрести ножи, изготовленные ороchel.

Летом женщины и дети собирали ягоды, съедобные растения, яйца, орехи. Их употребляли в неограниченном количестве, но на зиму не запасали.

ТРУДОВОЙ день ороchel проходил приблизительно в таком порядке. В 5—6 часов поднимались женщины и готовили чай. Где-то через час поднимались все остальные и принимались чаевать. Пили очень крепкий, почти черный, чай без сахара и хлеба в большом количестве.

Мужчины выходили из юрты и работали по хозяйству: чинили нарты, делали лыжи, кормили собак и прочее. Женщины управлялись в юрте: выделывали шкуры, шили и чинили одежду, обувь, убрали, занимались детьми, готовили пищу. Над очагом подвешивали большие котлы (на 2—3 ведра) и в малом количестве воды варили оленье мясо. В 9 часов

завтракали этим мясом, изредка подсаживая его. В 1926 году во многих юртах еще совсем не употребляли соли в пищу. После завтрака — снова крепкий чай и выход на работу. Иногда утром и вечером пища ороchel разнообразилась юколой или свежей рыбой. Стерегущие табуны вели примерно такой же образ жизни.

Подавали мясо и чай на больших деревянных блюдах-подносах. Для гостей имелись в запасе вилки, ножи, ложки и тарелки.

В СЕРЕДИНЕ двадцатых годов XX века у ороchel в сознании мирно уживались шаманизм и христианство. В каждой юрте были бубен с колоушкой и одежда шамана, а также иконы, которые хранились в специальных сумочках.

Убив оленя и собрав его кровь, первый ковш или чашку крови всегда выливали на очаг в юрте. Ясно, что это жертва пенатам (домашним богам), но сами ороchel не сумели ответить, зачем они это делают. Как и встарь признавали они большую силу огня, его очистительные и профилактические свойства.

Таково было состояние быта и культуры ламутов-орочел во время переписи 1926|27 года. Несмотря на бытовавшие элементы обмена (торговли) хозяйство ороchel являлось почти натуральным. Оленеводство давало им одежду и пищу, жилище и транспорт.

(Окончание следует)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

4.

С тех пор прошло 32 года, прежде чем я попала снова к ним в 1958 году. За эти три десятилетия произошли важнейшие события в жизни орочел. Они были выделены в самостоятельный Быстринско-Ламутский туземный район (с 12 августа 1926 года), который в 1932 году переименован в Быстринский эвенский национальный район Камчатской области. Центром его стало селение Эссо. Были созданы три сельсовета: Анавайский, Кекунайский и Лаучанский, соответствовавшие трем различным географическим зонам, в которых кочевали эвенские хозяйства. Было проведено водо- и землеустройство.

Коллективизация оленеводческих хозяйств, начатая в 1932 году, проходила тяжело, так как проводилась людьми незнакомыми с национальными особенностями и психикой орочел. Перестройку их хозяйства на социалистический лад можно было бы провести безболезненно, если бы были учтены особенности родового строя и основ первобытного коммунизма.

Орочел с этого времени стали называть эвенами, хотя этот термин не был им знаком. Они считали его русской кличкой, а сами продолжали называть себя орочел.

В Эссо я прибыла 8 июля рейсовым самолетом АН-2 (первый самолет в Эссо прилетел в сентябре 1938 года, теперь существовало постоянное авиасообщение с Петропавловском).

Место для поселка было выбрано очень удачное: на возвышенности в широкой долине, образованной сильными горными речками Быстрой и Уксичан, с выходом большого количества горячих ключей и теплой почвой. Долина эта со всех сторон защищена горами, создается впечатление, что вы находитесь на дне чаши. Здесь в 1932 году и начал строиться поселок.

Прошло не более четверти века, и вырос хорошо спланированный населенный пункт. На ши-

роких улицах уютные рубленые домики. Выстроенное в мою бытность здесь школьное здание сгорело. На его месте построили в 1933 году начальную школу, в которой сперва было всего три класса (50 учеников). В 1937 году сдано в эксплуатацию двухэтажное здание десятилетки с интернатом. Учащихся в 1939/40 учебном году насчитывалось 105, в том числе 89 эвенов.

Теперь в селе был клуб (построен в 1941 году), в котором ежедневно демонстрировались кинофильмы, в фойе играли в шахматы. С 1933 года действовала читальня, сначала помещавшаяся в здании школы, она имела 533 тома. В начале 50-х годов уже была библиотека с книжным фондом около 4 тысяч экземпляров. Эссо было радиофицировано. Выделялись добротные здания больницы, райкома партии, райисполкома, почты, мазины, столовой. Повсюду электрическое освещение.

В среднем течении р. Ичи, в 80 км от Охотского моря возник эвенский поселок Тваан. Регулярной связи его, а также Лаучана с Эссо не было. Ездили летом на конях, зимой — на собаках. В 28 км от Эссо рос большой эвенский поселок Анавай. Зимой 1957/58 года из под Соболева сюда перебросили на самолетах коряков, липившихся всех своих оленей в результате сильной гололедицы.

За прошедшее время количество эвенов увеличилось до 532 человек.

Район пополнялся новым населением и постепенно становился многонациональным.

Жители Эссо и Анавая объединялись в один колхоз — имени XX партсъезда. Основным направлением хозяйства оставалось оленеводство, но развивались животноводство и овощеводство.

В последующий свой приезд (1961 году) я видела, какой большой урожай получили в теплицах Анавая. Кроме того, что сами ели вдоволь огурцов и помидоров, их сдано рыбоопу более двух тонн. Тепличное и лариниковое хозяйство очень перспективны для района.

Вообще соотношение отраслей хозяйства в районе резко изменилось. С одной стороны под влиянием заметного потепления климата. Из-за оттепелей и последующих морозов стали частыми гололеды, приводящие к большим падежам оленей вследствие бескормицы. Бросалось в глаза и сокращение ягельников. Теперь считали что предельное количество оленей, которое можно прокормить на территории района это 10—11 тыс. голов.

Самой доходной статьей хозяйства в это время стал извоз, связанный с оленеводством и коневодством. Очевидно, под влиянием усиленного изучения природных богатств Камчатки геологами. Так, в 1957 году прибыль, полученная от извоза, составляла 686,8 тыс. рублей, а от оленеводства — 542,2 тысячи.

О развитии земледелия в районе свидетельствует рост посевных площадей. Начинаясь оно с 0,2 га в 1932 и 1933 году. А в начале 60-х годов в районе было более 80 га посевных площадей, в том числе под картофелем 18 га.

Молочными продуктами, мясом, рыбой, овощами, ягодами район обеспечен прекрасно.

Ликвидацией селений Кекука (1958 г.) и Лаучана (1960 г.) и сокращением территории района причинен определенный ущерб его экономике. Чтобы оленеводство и пушной промысел развивались и дальше, необходимо принять срочные меры.

Е. ОРЛОВА.

От редакции:

Опасения автора имели некоторые основания. Искривления, допущенные в развитии сельского хозяйства страны, подверглись резкой критике на мартовском Пленуме ЦК КПСС (1965 г.). Были приняты меры к их исправлению.

На территории района создали два оленеводческих совхоза. Их табуны насчитывают ныне более 22 тысяч оленей. Как и во всем сельском хозяйстве, курс на интенсификацию оленеводства уже приносит ощутимые результаты.